

С. А. Скляров

Еврейский вопрос в польско-советских отношениях в первой половине 20-х годов XX века (по материалам полпредства СССР в Варшаве)

Вопрос о месте и роли евреев в судьбе Польши и отношении к ним поляков был одним из наиболее острых и противоречивых на протяжении всего XX в. Достаточно вспомнить еврейские погромы на территории Польши в ходе и по окончании Первой и Второй мировых войн, Холокост, наиболее трагические события которого развернулись на польской земле, споры о роли евреев в становлении просоветского режима народной демократии в 1940–1950-е гг., массовый исход евреев в конце 1960-х — начале 1970-х гг. после обвинений в их адрес со стороны первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Владислава Гомулки. Не потерял он своей остроты, судя по негативной международной реакции на попытку принятия в 2018 г. закона об Институте национальной памяти¹, и в XXI в. И это несмотря на то, что доля евреев в составе населения Польши сократилась с 3,5 млн человек — около 10 % населения Польши перед Второй мировой войной, до нескольких тысяч в настоящее время: к евреям себя причислили только 1055 человек в ходе общенациональной переписи населения в 2002 г. и 7353 польских гражданина по переписи 2011 г.²

Определенное оживление в бурную дискуссию вокруг еврейского вопроса в Польше могут добавить рассекреченные в 1990-е гг. материалы Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР, относящиеся к 20-м гг. XX в. В частности, переписка с Москвой работников полпредства в Варшаве. Эти документы носят сугубо внутренний характер (они не предназначались для разглашения и использования в пропагандистской работе), поэтому могут

**Скляров
Сергей Анатольевич**
канд. ист. наук,
доц., Московский
государственный
институт
международных
отношений
(университет)
Министерства
иностраных
дел Российской
Федерации (Москва,
Россия)

служить более или менее объективным индикатором отношения к евреям в Польше в первые годы после обретения ею независимости. Также они указывают на то, что в Москве в определенной мере учитывали специфику отношения к евреям в польском государстве.

Обращаясь к событиям 1920-х гг., нельзя обойти стороной рост антисемитизма в только что возродившемся после более чем векового отсутствия польском государстве. Евреи составляли приблизительно 10 % от общей доли населения, в крупных городах она достигала 30–40 %, а во многих мелких и средних местечках евреи даже доминировали³. В то время в Польше проживала самая крупная в Европе еврейская община. При этом многие ее члены сохраняли предельную самобытность в религии и быту, не желая ассимилироваться. По этой причине к ним негативно относилась значительная часть поляков, в том числе стремившиеся к консолидации возрожденного государства и польской нации польские национал-демократы. В вину евреям также ставились симпатии к российским большевикам и поддержка провозглашения в ноябре 1918 г. на территории Восточной Галиции Западно-Украинской Народной Республики. В Пинске, Львове, Вильно и некоторых других городах при попустительстве польских властей прошли еврейские погромы⁴.

На западе Польши, где остро стоял вопрос разграничения с Германией, в евреях, родным языком для которых был идиш, видели проводников германизации польских земель. Это также подпитывало погромы и антисемитизм⁵. Политические мотивы недоверия к евреям накладывались на бытовавшие и ранее в польском обществе религиозные предрассудки, а также конкуренцию в социально-экономической и деловой сферах.

О высокой степени недоверия к еврейскому меньшинству в Польше в начале 1920-х гг. говорит изданный в разгар наступления Красной армии на Варшаву приказ министра обороны генерала Казимира Соснковского от 16 августа 1920 г. об интернировании в лагере в Яблонной 17 тыс. евреев-военнослужащих польской армии. Их заподозрили в нелояльности только из-за национальной принадлежности⁶. Другим ярким примером может служить судьба первого президента Польши Габриэля Нарutowича, который победил во втором туре президентских выборов в декабре 1922 г. кандидата от национал-демократов Мауриция Замойского благодаря отданным за него голосам левых партий и национальных меньшинств, за что политические оппоненты прозвали его «президентом евреев». Сначала тысячи поляков пытались сорвать его инаугурацию, а через пять дней после нее, 16 декабря 1922 г., Нарutowич был убит близким к эндекам Элигиушем Невядомским⁷. Ставку на антисемитизм делали не только национальные демократы и близкие к ним политические силы правого толка, но и более умеренные круги польской политической системы, в том числе христианские демократы⁸.

Широкое распространение антисемитизма в обществе и политических кругах Польши не могло не сказаться на различных аспектах взаимоотношений между этой страной и Советским государством. В частности, Москва была поставлена перед необходимостью учитывать нежелательность отправки в Польшу дипломатов-евреев. На низовых должностях в полномочном предста-

вительстве в Варшаве это соображение не до конца учитывалось. Примерно у трети из 80 сотрудников полпредства и торгпредства СССР, по данным на январь 1925 г., имена, отчества и фамилии позволяют предположить наличие еврейских корней⁹. В то же время среди руководителей советской дипломатии в Польше в межвоенный период значатся русские, украинцы, армяне, но только не евреи. И это при том, что доля представителей этой национальности в Наркомате иностранных дел была довольно высока. К тому же евреи, у многих из которых были родственники в Польше, с большей вероятностью, по сравнению с другими советскими гражданами, владели польским языком и обладали компетенцией в польских делах. В письме от 29 июля 1921 г., направленном из НКВД полпреду СССР в Польше Л. М. Карахану, приведено количество евреев среди сотрудников дипломатии. «Возвращаю просмотренные мною анкеты. Из 10 человек — 4 еврея, причем частью рекомендованы... НКВД т. Оболенским. Не вижу оснований для опротестовывания этого состава», — сообщает автор письма¹⁰.

Иногда на нежелательность присылки дипломатов-евреев открыто указывали официальные лица Польши. Так, в письме в НКВД от 14 июня 1927 г. сотрудник постпредства СССР в Варшаве Н. Д. Соколов сообщал о разговоре на приеме у Юзефа Пилсудского после убийства 7 июня белогвардейцем Б. С. Ковердой полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова. Для скорейшего урегулирования кризиса в двусторонних отношениях лидер Польши предлагал, чтобы Москва скорее назначила нового «посла». При этом при выборе лица просил «не игнорировать того, что в польском обществе довольно сильно распространен антисемитизм (и даже некоторое пренебрежение к евреям), — докладывал Соколов, — по мнению Пилсудского, самое лучшее, если бы назначили русского»¹¹.

Многие польские правые политики с большим предубеждением относились к участвовавшим в переговорах с советской стороны представителям-евреям. Характерной иллюстрацией может служить письмо полпреда СССР в Варшаве Л. Л. Оболенского от 21 ноября 1923 г. курировавшему польское направление члену коллегии НКВД В. Л. Коппу. В начале ноября В. Л. Копп посетил Варшаву с целью добиться официального признания Польшей СССР, уладить вопросы транзита в СССР товаров через польскую территорию, обсудить вопросы выплаты Москвою долгов по Рижскому мирному договору. Окончившийся безрезультатно визит стал предметом разбирательства комиссии Сейма по иностранным делам.

Как сообщили Л. Л. Оболенскому украинские депутаты Сейма, в закрытой части заседания был поставлен вопрос о распространении в польском обществе представления, «что якобы переговоры не дали хорошего (по их мнению) результата, потому что Копп — еврей». Лидер эндеков Р. Дмовский предоставил слово тогдашнему министру иностранных дел М. Сейде, которому пришлось уверять депутатов в профессионализме и доброжелательности В. Л. Коппа и утверждать, «что только общая конъюнктура не дала возможности довести переговоры до вполне благоприятного конца». Лишь после этого объяснения

комиссия рекомендовала признать СССР, напомнив Москве о необходимости выполнения Рижского договора¹².

Сам Л. Л. Оболенский тоже иногда допускал ошибки в еврейском вопросе. В письмах от 30 марта и 6 апреля 1923 г. член коллегии НКВД Я. С. Ганецкий критиковал полпреда за интервью по вопросам границ Польши, которое было опубликовано только в одной из издававшихся в Польше еврейских газет. «Правда, Вы должны добиваться влияния на прессу и, по возможности, посредственно и непосредственно в ней высказываться. Но удобным ли является Ваше интервью по важному и щепетильному для Польши вопросу в еврейской газете?» — задавал риторический вопрос Л. Л. Оболенскому Я. С. Ганецкий¹³. Отметим, что сам Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг) родился в богатой еврейской семье в Варшаве и первую половину жизни провел в польских губерниях, поэтому ему было хорошо известно реальное отношение поляков к евреям.

Несмотря на то, что в Советском государстве в отличие от Польши в 1920-е гг. антисемитизма не было, по крайней мере на государственном уровне, а евреи после краха Российской империи были не просто уравнианы в правах с остальными национальностями, но и допущены к ключевым государственным должностям, граждане-евреи продолжали бежать за границу. Будучи в основной массе своей аполитичными, не разделяя идеалы Октябрьской революции, они спасались от Гражданской войны, послевоенной разрухи, национализации частной собственности и просто бежали в поисках лучшей жизни.

Тысячи евреев из Советской России и Советской Украины в 1921–1923 гг., нелегально перейдя границу, оказались на территории Польши. При этом Польша являлась для них лишь транзитной страной, конечной целью смены места жительства были США. Ввиду того, что США официально не признавали существования Советского государства и не имели с ним дипломатических отношений, у переселенцев не было другой возможности получить визу в эту страну, кроме как в дипломатических учреждениях США в сопредельных государствах, и консульство в Варшаве казалось им не худшим вариантом.

Однако как раз в 1921 г. в США был принят закон, вводивший квоты на прием иммигрантов. Устанавливалась общая квота — не более 357 803 человек в год, вводились также и этнические ограничения — в страну разрешалось въезжать не более 3% от проживавших в США на момент переписи 1910 г. представителей одной национальности. Под ограничения не попадали дипломаты, политики, члены их семей и высококвалифицированные специалисты, в которых нуждался рынок труда¹⁴.

В 1923 г. квота на иммиграцию в США евреев была исчерпана уже к февралю. В результате образовалась очередь из 6–8 тысяч бывших советских евреев, которые до начала 1924 г. не могли уехать в Америку, докладывая в Москву в письме от 27 февраля 1923 г. Я. С. Ганецкому полпред Л. Л. Оболенский¹⁵. При этом все нелегально приехавшие в Польшу после 1920 г. еврейские беженцы по распоряжению правительства Владислава Сикорского должны были до 15 апреля 1923 г. покинуть страну. Сформированное после убийства президента Г. Нарutowича правительство В. Сикорского вынуждено было маневрировать в политической сфере между сторонниками левых партий и Ю. Пил-

судского, с одной стороны, и резко антисемитски настроенными национальными демократами — с другой.

Изначально еврейским организациям удалось уговорить В. Сикорского предоставить отсрочку до 1 января 1924 г. в выполнении упомянутого распоряжения, что давало шанс не попавшим в квоту 1923 г. еврейским беженцам получить визы на эмиграцию в США по квоте 1924 г. Однако впоследствии, как сообщал Л. Л. Оболенский, под нажимом общественного мнения и правых сил В. Сикорский свое согласие отозвал.

Еврейские организации попытались получить разрешение на въезд еврейских беженцев в другие страны. Однако после того, как эти попытки потерпели провал, Американский комитет помощи еврейским эмигрантам обратился к Л. Л. Оболенскому с просьбой запросить у Москвы разрешение на возвращение этих беженцев в СССР, обещая покрыть все расходы. Представители комитета заверили, что большинство не вписавшихся в американские квоты евреев хотят вернуться в Россию, они совершенно аполитичны и пытались уехать в Америку исключительно по личным соображениям. В случае, если СССР не сочтет возможным пустить назад всех беженцев, Американский комитет просил выработать нормы для возвращения хотя бы части из них¹⁶. «Очевидно, среди международного еврейства этот факт был бы нам поставлен на дебет, — отмечает в вышеупомянутом письме Л. Л. Оболенский, — жест был бы великолепный: свободная демократическая Польша выперла из своих пределов несчастных евреев и приютила их... “Совдепия”... Можно было бы использовать этот факт и в нашей, и в заграничной прессе»¹⁷.

Москва не сразу отреагировала на эту просьбу. Во всяком случае, в следующем письме, от 6 марта 1923 г., Л. Л. Оболенский напоминает Я. С. Ганецкому: «...срок выселения на носу и вынуждает меня просить Вас поторопиться с принципиальным разрешением вопроса»¹⁸. В ответном письме от 9 марта 1923 г. Я. С. Ганецкий сообщает, что вопрос возвращения еврейских эмигрантов довольно сложный. Он также ссылается на мнение ГПУ, добавляя: «...убедитесь, что мы не так легко можем согласиться на их въезд». По словам Я. С. Ганецкого, вопросом занялась еврейская секция Наркомнаца, поэтому он предлагал Л. Л. Оболенскому «дать дипломатический ответ еврейским организациям и указать им, что здешние еврейские организации этим вопросом занимаются, и пусть они будут с ними в контакте»¹⁹.

Судя по всему, вопрос решился только в апреле. В письме от 13 апреля 1923 г. Я. С. Ганецкий объясняет Л. Л. Оболенскому необходимость работы с нацменьшинствами с тем, чтобы «следить за разложением в самой Польше, стараться его углубить и извлечь больше всего из него пользы». Говоря о задабривании нацменьшинств, он отмечает: «Если амнистия ВЦИК для евреев несомненно произведет хорошее впечатление даже на еврейские буржуазные слои Польши, и они почувствуют, что у них имеется поддержка в России, то я уверен, что мы в настоящий момент не одно могли бы сделать с таким же успехом и для других национальных меньшинств»²⁰.

Свидетельство о том, что Москва положительно откликнулась на запрос о возвращении в СССР ранее бежавших в Польшу евреев, находим также

в телеграмме Я. С. Ганецкого полпреду Л. Л. Оболенскому от 27 апреля 1923 г. Возмущаясь применяемой польской стороной практикой «переброски (возвращаемых в СССР граждан. — С. С.) через границу без нашего согласия», Я. С. Ганецкий указывает, что эти факты советская сторона использует в прессе. Однако только прессой дело не должно было ограничиваться. «Сообщите полякам, что если они не прекратят этих перебросок через границу, в частности, по отношению к высылаемым еврейским беженцам, которых мы согласились принять организованным путем, то мы вынуждены будем принять ту же меру к польским оптантам, находящимся на нашей территории, которых соберем и перегоним через границу», — угрожает Я. С. Ганецкий²¹. В завершение он сообщает, что нарочно отправил такую телеграмму в полпредство клером, т. е. без применения шифров, открытым текстом, видимо, тем самым желая как можно быстрее донести свои угрозы до властей Польши.

Отметим, что в НКВД и загранпредставительствах СССР внимательно относились к деятельности еврейской фракции в Сейме — так называемого «еврейского кола». В Москву поступали отчеты о месте «еврейского кола» в польской политической системе, отношении к нему польских политиков и других депутатов Сейма. Как правило, такие сведения вставлялись в регулярные обзоры всех фракций Сейма. К числу наиболее содержательных можно отнести справки такого рода, приходившие в НКВД из Берлина от атташе по прессе полпредства СССР в Германии С. А. Раевского²².

Относительно благополучное решение в марте — апреле 1923 г. вопроса о возвращении в СССР из Польши еврейских беженцев, не сумевших получить въездную визу в США, судя по всему, подвигло благотворительные организации попытаться через Л. Л. Оболенского решить вопрос с возвращением в УССР евреев, бежавших в Румынию. В письме от 12 октября 1923 г. члену коллегии НКВД В. Л. Коппу, ставшему куратором польского направления после ухода Я. С. Ганецкого в июле 1923 г. в Наркомат внешней торговли, Л. Л. Оболенский сообщал о визите к нему делегата от Фритьофа Нансена²³ — Роберта Брюнеля. Тот поднял вопрос о застрявших в Румынии нескольких сотнях бежавших из Украины евреев, которых румынские власти собирались выслать из страны так же, как это сделало польское правительство, а другие страны отказывались их принимать. Так как у СССР и Румынии не было в то время дипломатических отношений, Р. Брюнель решил воспользоваться услугами полпредства СССР в Польше. Как и в случае с репатриацией евреев, бежавших в Польшу, все расходы, «вплоть до оплаты виз», обещал взять на себя Еврейский комитет. Л. Л. Оболенский просил Москву поскорее дать «принципиальный ответ» и высказывал опасения, что поляки будут препятствовать транзиту бежавших в Румынию евреев²⁴.

Ответ Москвы был довольно резким. «Брюнеля с его румынами отшлите. Прежде всего, мы сейчас заинтересованы в скорейшей ликвидации деятельности Нансена как репатриатора. Вокруг него собирается всякая политическая мразь, которая потом прикрывается его именем и доставляет нам множество неприятностей. Во-вторых, мы с румынами собираемся договариваться непосредственно», — писал В. Л. Копп. И далее сообщал, что так как расходы

по реэвакуации собиралась взять на себя организация «Джойнт»²⁵, то с его представителем он «недавно вполне определенно договорился». Завершался ответ фразой: «Вообще же мы в этих еврейских реэмигрантах весьма мало заинтересованы, и нам совершенно не приходится форсировать события»²⁶. Таким образом, судьба бежавших в Румынию украинских евреев не стала предметом польско-советских отношений, что, скорее всего, случилось бы, если бы Л. Л. Оболенскому Москва дала положительный ответ.

Как видим, еврейский вопрос в первой половине 1920-х гг. был довольно чувствительным в отношениях между Советским государством и возрожденной Польшей. Высокий уровень антисемитизма в Польше, в том числе в политических кругах, заставлял НКВД соответствующим образом корректировать свою кадровую политику на польском направлении. Дополнительные проблемы вызывали вопросы репатриации на территорию СССР евреев, бежавших в Польшу в надежде получить визу для переселения в США, но не вписавшихся в установленные к тому времени иммиграционные квоты и в конечном счете попавших под репрессии польских властей.

¹ «Jesteśmy zaniepokojeni konsekwencjami». Departament Stanu USA o polskiej ustawie // TVN 24: [сайт]. URL: <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-ze-swiata,2/departament-stanu-usa-o-nowelizacji-przepisow-o-ipn,811151.html> (дата обращения: 25.01.2021); *Stryjek T.* Hipertrofia polityki pamięci w III RP i jej konsekwencje od roku 2015 // *Zoon Politikon*. 2017. № 8. S. 94. URL: https://www.civitas.edu.pl/wp-content/uploads/2015/03/ZP_08_2017_087-125.pdf (дата обращения: 25.01.2022).

² Charakterystyka mniejszości narodowych i etnicznych w Polsce. Żydzi // Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji: [сайт]. URL: <https://goo.su/iqX3F9> (дата обращения: 25.01.2022).

³ *Tomaszewski J.* Żydzi w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 2016. S. 21–22.

⁴ *Tomaszewski J.* Lwów, 22 listopada 1918 // *Przegląd Historyczny*. 1984. T. 75, zesz. 2. S. 279–285; *Żebrowski R.* Pogrom // *Polski Słownik Judaistyczny / Żydowski instytut historyczny*. URL: <https://delet.jhi.pl/pl/psj?articleId=14376> (дата обращения: 25.01.2022).

⁵ *Кретинин С. В.* «Польша для поляков» политика полонизации и разномечивания в Польской Республике в первой половине 1920-х годов // *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер.: История. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 52–54.

⁶ *Szuchta R.* 1000 lat historii Żydów polskich. Podróż przez wieki. Warszawa; Bydgoszcz, 2015. S. 159–162; *Borek P.* Udział Żydów w antypaństwowej działalności Wydziałów Wojskowych KPRP/KPP w latach 1918–1933 // *Żydzi i Wojsko Polskie w XIX i XX wieku / red. naukowa T. Domański, E. Majcher-Ociesa*. Kielce; Warszawa, 2020. S. 182–198.

⁷ *Szuchta R.* 1000 lat historii Żydów polskich. S. 162–164; *Zabójstwo prezydenta Gabriela Narutowicza podzieliło ówczesną Polskę // Polityka*. 19 marca 2018. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/historia/1742048,1,zabojstwo-prezydenta-gabriela-narutowicza-podzielilo-owczesna-polske.read> (дата обращения: 25.01.2022).

⁸ *Кожокин М. М.* Христианско-демократическое движение в буржуазной Польской Республике (1918–1926): дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 93.

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 122. Оп. 8. П. 37. Д. 2. Л. 10–12, 18–19. Метод определения национальности по характерным для евреев именам, фамилиям и отчествам нельзя считать стопроцентно точным, так как среди советских дипломатов и чиновников начала 1920-х гг. была распространена практика замены характерных еврейских имен, фамилий и отчеств на славянские. В частности, работавший на польском

направлении член коллегий НКВД и Наркомторга Я. С. Ганецкий изначально носил фамилию Фюрстенберг; торгпред РСФСР и СССР в Польше Сергей Григорьевич Горчаков был до смены имени и фамилии Шмулем-Хаимом Исеровичем Гринцером; 1-й секретарь и поверенный в делах УССР в Польше в 1922–1923, в 1923–1925 гг. — советник посольства СССР в Польше Григорий Зиновьевич Беседовский был Гиршем Зеликовичем (*Рубльов О. С.* Бесидовський Гірш Зелікович // *Енциклопедія історії України* у 10 т. Київ, 2003. Т. 1. С. 243. URL: <https://goo.su/ICoX> (дата обращения: 25.01.2022)), а замнаркома и будущий нарком иностранных дел Максим Максимович Литвинов — Меером-Генохом Моисеевичем Валлахом. Если в отношении руководящих работников подобные переименования широко известны, то в отношении сотрудников дипмиссии нижнего звена такие данные можно найти только в личных делах, доступ к которым ограничен.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 85 (52487). Л. 3–4.

¹¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: сб. документов в 4 т. Т. 2: 1926–1932 / ред.-сост. С. А. Скляров. М., 2017. С. 174.

¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52567. Л. 215–216, 227.

¹³ Там же. Д. 52564. Л. 65, 69.

¹⁴ *Филиппенко А. А.* Проблемы иммиграционной политики США в 1990–2015 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 39.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52567. Л. 46.

¹⁶ «Совесть мира» или «заговор молчания»? К годовщинам Эвианской и Бермудской конференций / *Д. В. Иванов, А. В. Крылов, В. М. Морозов* и др. // *Вестник МГИМО-Университета*. 2018. № 4. С. 135–137.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52567. Л. 46.

¹⁸ Там же. Л. 51.

¹⁹ Там же. Д. 52564. Л. 45–46.

²⁰ Там же. Л. 77.

²¹ Там же. Л. 82.

²² Там же. П. 218. Д. 52686. Л. 19–24, 25–26.

²³ Знаменитый норвежский полярный исследователь Ф. Нансен с 1921 г. возглавлял комиссариат Лиги Наций по вопросам беженцев.

²⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52567. Л. 210.

²⁵ «Джойнт» — Объединенный распределительный комитет американских фондов помощи евреям, пострадавшим от войны, — крупнейшая еврейская благотворительная организация со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

²⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52565. Л. 63–64.

Статья поступила в редакцию 26 января 2022 г.

Рекомендована к печати 20 октября 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Скляров С. А. Еврейский вопрос в польско-советских отношениях в первой половине 20-х годов XX века (по материалам полпредства СССР в Варшаве) // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 1. С. 89–98. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.106>

Аннотация: Высокий уровень антисемитизма в возрожденном после Первой мировой войны польском государстве, где евреи составляли около 10% населения, стал фактором не только внутренней, но и внешней политики. В частности, специфику еврейского вопроса в Польше в первой половине 1920-х гг. должны были учитывать советские дипломаты. Ярким свидетельством наличия еврейской проблемы в польско-советских отношениях служат рассекреченные и впервые вводимые в научный оборот документы из переписки полномочного представительства СССР в Варшаве с центральным аппаратом Наркомата иностранных дел. В Москве вынуждены были вести подсчет количества евреев в дипмиссии в Варшаве, а также считаться с просьбами польских должностных лиц, включая лидера Польши Ю. Пилсудского, назначить на пост руководителя полпредства СССР в Варшаве этнического

русского. Депутаты польского Сейма на заседании комиссии по иностранным делам высказывали предположения, что причиной неудачного исхода польско-советских переговоров могла быть национальность представителя СССР. Отдельную проблему в польско-советских отношениях в 1923 г. представляла судьба евреев, бежавших через Польшу из Советской России и Советской Украины в США. После введения в США в 1921 г. квот на иммиграцию, от 6 до 8 тысяч еврейских беженцев не смогли получить в 1923 г. въездные визы в США. Правительство Польши потребовало их срочной депортации, другие страны тоже не желали их видеть на своей территории. Еврейская организация «Джойнт» вынуждена была просить Москву дать согласие на их репатриацию в СССР при условии, что берет на себя оплату всех расходов. После некоторых колебаний власти СССР дали согласие на такую репатриацию. Однако в итоге она не была организована цивилизованным образом. Польские власти велели просто сгонять еврейских беженцев к границе с СССР, устраивая их стихийную переброску через границу, что вызвало новый скандал в и так непростых польско-советских отношениях.

Ключевые слова: евреи, антисемитизм, польско-советские отношения, беженцы, «Джойнт», погромы, СССР, Польша.

Сведения об авторе: Скляр С. А. — канд. ист. наук, доц., Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия); redactors@mail.ru

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

FOR CITATION

Sklyarov S. A. 'The Jewish Question in Polish-Soviet Relations in the First Half of the 20th Century (Based on the Materials of the Plenipotentiary Mission of the USSR in Warsaw)', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 1, 2023, pp. 89–98. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.106> (In Russian)

Abstract: A high level of anti-semitism in the newly revived Polish state had to be taken into account by the Soviet diplomacy in the first half of the 1920s. The disclosed documents from the correspondence between the Plenipotentiary representative of the USSR in Warsaw with the central office of the People's Commissariat of Foreign Affairs introduced into the scholarship for the first time testify to the existence of a Jewish problem in Polish-Soviet relations. Moscow had to keep track of the number of Jews in the diplomatic mission in Warsaw as well as to consider the request of Polish officials, including the Polish leader Jozef Pilsudski, about the desirability of appointing a person of Russian origin the head of the mission in Warsaw given the level of anti-semitism in the Polish society. The deputies of the Polish Sejm at a meeting of the Foreign Affairs Committee attributed the shortcomings in the Polish-Soviet negotiations to the Jewish nationality of the representative of the USSR. Another problem in Polish-Soviet relations in 1923 was represented by the destiny of Jews who escaped through Poland from Soviet Russia and Soviet Ukraine to the United States. After the introduction of immigration quotas in the USA in 1921 about 6 to 8 thousand Jews were not able to receive entry visas in the United States in 1923. The Polish government required their urgent deportation. Other countries did not want to see them on their territory either. The Jewish organization "Joint" was forced to ask Moscow to approve of their repatriation to the USSR on condition it took charge of covering all expenses. After some hesitation, the USSR agreed with such repatriation. However, it was not organized in a civilized way. The Polish authorities simply ordered to drive Jews to the borders with the USSR. It meant the spontaneous transfer across the border which caused a new scandal in the already strained Polish-Soviet relations.

Keywords: Jews, Anti-Semitism, Polish-Soviet relations, refugees, *Joint*, pogroms, USSR, Poland.

Authors: Sklyarov S. A. — PhD in History, Associate Professor, MGIMO University (Moscow, Russia); redactors@mail.ru

MGIMO University, 76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

References:

- Borek P. 'Udział Żydów w antypaństwowym działaniu Wydziałów Wojskowych KPRP/KPP w latach 1918–1933', *Żydzi i Wojsko Polskie w XIX i XX wieku* (Kielce — Warszawa, 2020).
- Ivanov D. V., Krylov A. V., Morozov V. M. et al. "'The conscience of the world" or "conspiracy of silence"? To the anniversaries of the Evian and Bermuda conferences', *MGIMO Review of International Relations*, no. 4, 2018. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-125-152> (In Russian)
- Kozhokin M. M. *The Christian Democratic Movement in the bourgeois Polish Republic (1918–1926)* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 1988). (In Russian)
- Kretinin S. V. "'Poland for Poles" Polonization and de-Germanization policy in the Polish Republic in the first half of the 1920s', *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriia. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 1, 2014. (In Russian)
- Rubl'ov O. S. 'Besidovs'kii Girsh Zelikovich', *Entsiklopediya istorii Ukraïni u 10 t.* (Kiev, 2003). (In Ukrainian)
- Filippenko A. A. *Problems of US Immigration policy in 1990–2015* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2015). (In Russian)
- Stryjek T. 'Hipertrofia polityki pamięci w III RP i jej konsekwencje od roku 2015', *Zoon Politikon*, no. 8, 2017.
- Szuchta R. *1000 lat historii Żydów polskich. Podróż przez wieki* (Warszawa — Bydgoszcz, 2015).
- Tomaszewski J. 'Lwów, 22 listopada 1918', *Przegląd Historyczny*, vol. 75, no. 2, 1984.
- Tomaszewski J. *Żydzi w II Rzeczypospolitej* (Warszawa, 2016).

Received: January 26, 2022

Accepted: October 20, 2022